

Проба пера

**ДНЕВНИКИ А. ШМЕМАНА:
К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ**

А.В. Абраменко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье исследуется возможность объективного познания личности А. Шмемана на основе материалов его личных дневников. Рассматривается жанровая специфика дневника. Анализируется влияние психолингвистических особенностей дневникового текста на восприятие читателем личности автора. На основе записей А. Шмемана делается вывод о том, что осознание личностью себя самой остаётся тайной для других, раскрытие которой невозможно без поиска нового концептуального подхода и изменений в собственном мировоззрении.*

Ключевые слова: *Александр Шмеман, психолингвистические особенности дневника, отношения автора и читателя, личность.*

Таинственность мира бесконечна, это должен ощущать всякий, кто хоть однажды беспристрастно заглядывал в тайну мира. Но и тайна человеческого существа не меньше и не короче.

преп. Иустин (Попович). *Философские пропасти.*

Дневники протопресвитера Православной церкви в Америке, богослова А. Шмемана сразу после своего издания привлекли внимание широкого круга читателей: богословов, священнослужителей и монашествующих, верующих и противников церкви, исследователей. Содержащийся в них материал тематически разнообразен, глубок, многогранен и местами весьма провокационен. В предисловии к дневникам о. Александра, его сын Сергей Шмеман пишет: «Дневник отца Александра неизменно поражает широтой своего охвата. Им увлечётся и ценитель литературы, и любитель политики, встретив тонкость суждений на самые разные темы...» [Шмеман]. Вместе с этим С. Шмеман подчёркивает: «...перед нами — часто сугубо личные, сокровенные записи...» [Там же].

Мы не будем касаться того, насколько правомерным с этической точки зрения является публикация столь личных текстов, но постараемся сосредоточить свое внимание на вопросе, порождённом чтением дневников о. Александра, а именно: Что есть человек? Иначе, возможно ли, опираясь на текст личного дневника составить объективное и целостное представление о личности человека, его взглядах и мировоззренческих основах?

В первую очередь рассмотрим жанровые особенности дневника, его лингвистическую и психологическую специфику, представим некоторые свои размышления относительно ее влияния на восприятие дневникового текста читателем. А в заключении обратимся к ключевым для нас моментам в дневниках о. Александра.

На протяжении всей истории богословской мысли ее жанровое оформление трансформировалось и претерпевало изменения: жанр произведения определялся не только способностями автора, но и культурно-историческими условиями, распространенным языком культуры. Так в раннехристианский период богословские работы принимали традиционные для эллиновской культуры формы диалогов, гимнов, трактатов-рассуждений. В период схоластики первое место заняли масштабные по широте охватываемых вопросов и по глубине рассмотрения сочинения — суммы.

От католического наследия существенно отличалось творчество православных богословов. Столь полюбившиеся средневековой Руси византийские гомилеты, авторы поучений и проповедей, — Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Иоанн Лествичник и др., не только заложили основу христианского восприятия мира и жизни человека, но и определили литературную направленность творчества последующих поколений русских святых [История русской литературы... 1980]. Византийская гомилетическая проза нашла свое продолжение в словах-размышлениях, беседах-толкованиях на Священное писание, наставлениях и поучениях, посвященных различным аспектам христианской жизни, проповедях, приуроченных к православным праздникам и дням празднования святых, а также в письмах к мирянам, священнослужителям и монашествующим.

Вместе с тем, среди всего разнообразия литературных жанров, форма дневника является, пожалуй, самой редкой и малоиспользуемой как среди древних, так и среди современных православных и католических святителей и богословов. По нашему мнению, помимо прочего это можно объяснить особыми психолингвистическими характеристиками дневника, которые требуют пристального внимания при осмыслении и изучении содержащегося в нем материала.

С лингвистической точки зрения, дневник представляет собой повествование, ведущееся от первого лица и фиксирующееся в форме повседневных или периодических записей, посвященных событиям текущей жизни. Филолог и литературовед М.Ю. Михеев предлагает рассматривать дневник как эго-текст — текст, имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора и написанный с субъективной авторской точки зрения, то есть человеком из эгоцентрической позиции [Михеев 2007].

Дневник, как запись «для себя», отличается высокой степенью свободы выражения, разнообразием используемых языковых средств и оригинальностью композиции. Дневниковые записи разнообразны в тематическом отношении, носят краткий и отрывочный характер, выстраиваются в хронологическом порядке, образуя определенную последовательность. Именно в дневнике, в отличие от всех других литературных жанров, во всей своей неповторимости и уникальности проявляется личность автора.

Отечественный лингвист Н.Б. Лебедева указывает ещё на одну весьма важную особенность дневника [Лебедева 2001: 4–11]. По мнению исследователя, дневник является специфическим речевым жанром, относящимся к естественной письменной речи. Естественная письменная речь — речевая деятельность и ее результат текст — «соседствует» с тремя смежными речевыми сферами: устно-разговорной деятельностью (естественной устной речью); профессиональной подготовленной речью (искусственной устной речью) и письменно-литературной речевой деятельностью (искусственной письменной речью).

Типовым свойством естественной письменной речи выступает спонтанность изложения. Здесь отсутствует подготовленность текста, его переработка, редактирование и ценз как

со стороны Автора, так и со стороны третьих лиц, то есть все то, что отделяет непосредственный акт создания текста от восприятия его адресатом. Вместе с этим, непрямой характер коммуникации, в отличие от естественной устной речи, создаёт временной «зазор» между написанием сообщения и получением ее адресатом. Однако, уточним, личный дневник не предполагает наличие адресата как такового: цель его написания не включает в себя публичное обнародование текста, представление его широкой общественности. Далее Н.Б. Лебедева делает следующее предположение, «в этот «зазор» может «втиснуться» другой, «незапланированный» и «неотслеженный» коммуникант и ход коммуникации может выйти из под контроля» [Там же]. Это и происходит в том случае, если дневник становится доступен третьим посторонним лицам. Тогда автокоммуникация, диалог автора с самим собой, становится причиной порождения «иногo «возможного мира», чем тот, на который рассчитывал автор» [Там же].

Таким образом, лингвистическая специфика дневника подтверждает правомерность возникающих вопросов относительно возможности его использования в качестве источника исследования и анализа. Насколько объективна информация, содержащаяся в личных записях? Помогает ли она понять и раскрыть личность автора? Какой «иной «возможный мир»» создаётся в результате прочтения дневника? Но главное, сколько подлинно авторского остаётся после прочтения?

Ещё более сложной становится ситуация, если обратиться к психологическим особенностям текста дневникового типа. Здесь, в отличие от лингвистов, внимание которых привлекает языковая личность и создаваемый ею текст, на первый план выходят психология личности автора и специфические психологические механизмы, действующие в процессе написания дневника.

Отечественный исследователь А.Н. Алексеев определяет дневник как имманентную и универсальную форму аутокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой!) внешних и внутренних событий своей жизни [Алексеев 2007: 48–58].

Дневниковые записи тесно связаны с временным моментом, в который они делаются. Попытка зафиксировать то, что происходит здесь-и-сейчас, исключает элемент ретроспективности, который становится возможным только при последующем обращении к дневнику. Только при повторном прочтении происходит сравнение и сопоставление прошедшего настоящего с сегодняшним настоящим.

Регистрация текущего момента, непосредственно «по горячим следам», выступающая функциональной особенностью дневника, сопряжена также с тем, что автор пребывает в эмоционально-психологической включенности в происшедшее в недалёком прошлом событие, проживает его в своем внутреннем мире, воспроизводит в диалоге с самим собой.

В целом, утверждая безусловную важность и ценность дневниковых текстов, психологи сходятся во мнении относительно ограниченности в возможности изучения дневников. Так, по мнению М. Леля, высокая степень субъективности затрудняет объективный анализ личности автора и его жизненного пути. Кроме того, так как дневниковые записи делаются для себя, они носят контекстный характер, а значит, многие из обстоятельств не упоминаются как само собой разумеющееся [Архипова 2012: 197–206].

В последнее время дневники стали объектом профессионального интереса не только лингвистов и психологов, но и представителей других социально-гуманитарных дисциплин (философов, культурологов, историков и др.). Однако нередко остаётся незамеченным тот факт, что при всем стремлении к объективности при анализе дневниковых записей, создающийся в сочетании таких психолингвистических особенностей текст дневника накладывает существенный отпечаток на работу исследователя.

Субъективность и эмоциональная экспрессивность личного дневника оказывают прямое влияние на психо-эмоциональную сферу читателя. В большинстве случаев степень эмо-

циональной окрашенности записей, их эмоциональная «заряженность» столь велики, что помимо сознательного желания побуждают читателя на ответную эмоциональную реакцию и проявление собственной субъективности, требуют занять крайнюю оценочную позицию — либо стать ярким сторонником автора, либо столь же ярким противником.

В то время как другие литературные произведения могут вызвать нейтральное отношение, дневник не терпит умеренности и срединного пути. Перед нами предстаёт человек во всей полноте переживаемых им эмоциональных реакций: он горюет, злится, печалится, впадает в уныние и тоскует, чем-то восторгается и радуется, надеется и разочаровывается, и все это не остаётся скрытым во внутренней глубине, но обнажается перед читателем, который невольно откликается на это.

Процесс чтения дневника никогда не бывает пассивным. Читатель не только получает новую информацию о другом человеке, но и рефлексировывает над своим собственным миром, замечает схожее и различное, вспоминает свое прошлое, моделирует свои возможные реакции в аналогичных ситуациях, сопереживает, восторгается или завидует, не понимает, но в любом случае не остаётся безучастным. Происходит взаимодействие двух внутренних миров — автора и читателя, выстраиваются субъект-субъектные отношения. Как и с реальным человеком, отношения с автором могут принимать форму симпатии или антипатии.

В случае симпатии между читателем и автором создаётся пространство интимности и возникает виртуальная дружба. Читателя и автора объединяют общие интересы, они имеют близкие взгляды на события личной и социальной жизни, их кругозор схож, понятны движения мысли и эмоциональные реакции. Отсутствие прямого общения и дискуссии устраняет возможные несогласия.

Развивающаяся таким образом иллюзия ценностно-мировоззренческого единства приводит к тому, что у читателя снижается порог критичности. Чувство родства с автором в одном вопросе становится отправной точкой в доверии к его мнению касательно того вопроса, в котором сам читатель менее осведомлен, или ситуации, в которой лишён возможности участвовать непосредственно и сформировать собственное мнение. Мнение автора принимается как авторитетное. Читатель становится подвержен риску принять частный и субъективный взгляд за объективный и истинный.

Созданный проникновенным тоном и предельной искренностью психологический раппорт между автором и читателем приводит к тому, что последний принимает и перенимает восприятие мира, событий, людей и явлений, характерное для создателя дневника. Размытие границ между авторской субъективностью и непреднамеренным заблуждением, основанным на эмоциональности и сохраняющейся включенности в фиксируемую в дневниковой записи ситуацию, становятся причиной порождения псевдореальности. Иными словами, читатель становится подвержен искажениям и иллюзиям авторского восприятия мира. Более того, читатель обречён на неправду: он не имеет возможности воплотиться в той ситуации, которую описывает автор (в разговоре или встрече), чтобы дать ей объективную оценку.

Тогда же когда дневник становится основанием научного исследования, предметом которого выступает что-либо другое нежели личность автора, исследователь превращается в проводника, транслятора авторской псевдореальности, делает ее публичной. Непреднамеренное заблуждение начинает распространяться как эффект домино, вовлекая в свою сферу все большее и большее количество людей.

В случае если вместо симпатии возникает антипатия, к автору формируется отрицательное отношение, которое приводит к стигматизации. Субъективность читателя — непонимание, негодование, протест и др., подвергают автора отрицанию. Его личность перестаёт рассматриваться объёмной, уникальность нивелируется. Все положительное остаётся в тени, тогда как отрицательное и негативное выделяется и заостряется, превращаясь в стигму как

«постыдное свойство индивида» [Гоффман]. Как отмечает американский социолог И. Гоффман «мы склонны приписывать человеку длинный ряд несовершенств на основе какого-то одного исходного несовершенства» [Там же].

Социальная группа, к которой принадлежит автор, также подвергается необоснованной критике: негативные качества и черты автора обобщаются и переносятся с него, как отдельного представителя какого-либо сообщества на всех остальных членов, развивается явление социальной стигматизации.

Материал дневников часто подвергается злоупотреблению в использовании в равной степени и сторонниками и противниками автора. Неординарные высказывания, острые замечания и прямая открытая критика, выступающие проявлением субъективности и эмоциональности, легко трансформируются в общественные лозунги и водружаются на знамена. Частное авторское мнение становится основанием для политических программ и социальных изменений, а сам автор превращается в символ.

Так или иначе, субъективность читателя, порождаемая дневниковым текстом, его отрицательное или положительное отношение, затмевают, отодвигают на второй план автора. Его личность познаётся и исследуется в свете читательских размышлений и рассуждений. Можно утверждать, что в таких исследованиях самого исследователя становится много больше, чем автора дневника.

В попытке преодолеть субъективность в процессе работы с дневниками о. Александра, фокус нашего рассмотрения сместился с разнообразной, ценной и, безусловно, интересной информации, представленной богословом — ярких воспоминаний, книжных рецензий, рассуждений, оценок и критических замечаний, и сконцентрировался на трех записях.

Эти записи сделаны через различные промежутки времени — первая в самом начале ведения дневника в 1973 году, вторая почти спустя 10 лет в 1981 году, и третья совсем незадолго до смерти в 1983 году. Приведём их ниже, в хронологическом порядке [Шмеман]:

1) 12 октября 1973 г.

«Декан», «протопресвитер», «профессор»: иногда (особенно в такое одинокое солнечное утро, как сегодня) острое чувство, что все это не имеет никакого отношения к моей личности. Между тем, почти только этим определяется 90 % моей жизни, общения с людьми и т. д. Снимая маску, «шокируешь» людей: как это он стал самим собой? А маской исправляется все: и то, что говоришь, и то, что делаешь. И как легко растворить личность в маске и полюбить эту маску...

2) 17 мая 1981 г.

«Дома», «самим собой» я осознаю себя только тогда, когда читаю лекции. Какой бы он ни был, но это в сущности мой единственный дар. Все остальное — руководство, «духовная помощь» — все с чужого голоса и потому такое тягостное. Лекции — я всегда с удивлением ощущаю это — я читаю столько же для себя, сколько студентам. В них я не кривлю совестью, и не кривлю потому, что их читает во мне кто-то другой, и часто они просто удивляют меня: вот, оказывается, в чем вера или учение Церкви... Мне иногда хочется встать и громко заявить: «Братья, сестры! Все, что я имею сказать, о чем могу свидетельствовать, — все это в моих лекциях. И больше ничего у меня нет, и потому, не ищите от меня другого». Ибо во всем другом я не то что лгу, но не чувствую того «помазания», которое необходимо, чтобы быть подлинным. Быть может, что-то вроде этого имел в виду апостол Павел, когда говорил, что Бог послал его не крестить, но «благовествовать».

3) Среда 1 июня 1983 г.

Восемь месяцев — не писал сюда ни слова. И не потому, что нечего было сказать: никогда, пожалуй, не было столько мыслей, и вопросов, и впечатлений. А потому, пожалуй, что все боялся той высоты, на которую подняла меня моя болезнь, боялся «выпасть» из нее.

Центральной темой представленных записей выступает проблема личности. Создаётся ощущение, что о. Александр пытается нащупать внутри, в самой глубине себя, скрывающуюся за всем наносным некую константу, ядро своего Я.

В отличие от других записей здесь он стремится осознать свою личность не через призму прошлого, не через личные отношения и социальные роли, прочитанные книги или что-то ещё, но понять ее здесь-и-сейчас.

Мы видим, как от записи к записи меняется ход его рассуждений. В первой он прибегает к метафоре маски, однако, ещё не обнаруживает того уникального, что составляет его личность.

Во второй записи, сделанной спустя много лет, проявляются уверенность, понимание и призыв. Уверенность в том, что и во внешнем мире, наполненном суетой, фальшью и бессмысленными вещами, которые так раздражали о. Александра, все-таки есть место, где он «дома», где можно не надевать маску, не играть ожидаемую от тебя аудиторией-публикой роль. Понимание, что есть «помазание» как данное Богом, а не избранное самовольно, призывание, и что именно в нем открывается вся полнота личности, ее красота и достоинство. И, наконец, призыв, не высказанный публично при жизни, но критически важный после смерти, призыв ко всем искать его подлинного в лекциях, но не в духовных наставлениях, беседах, и, наверное, даже не в собственных книгах и дневниках.

И третья запись как кульминация восхождения о. Александра к осознанию своей личности и как тайна. Иулиания Шмеман в своей книге воспоминаний «Моя жизнь с отцом Александром» пишет: «Александр всегда просил Бога о том, чтобы Он даровал ему перед смертью период болезни... Кто-то передал мне его слова: „Сначала я почувствовал себя так, как будто меня ударили по голове, но позже понял, что именно этого не хватало в моей жизни. Не болезни как таковой, а происходящей перемены, иного образа бытия“» [Шмеман]. И далее, «последнее лето мы провели в Лабель. Александр писал, читал, гулял, но все время находился на каком-то ином уровне жизни. Он постепенно переходил «туда», переходил мирно, тихо, никогда не жалуясь и не тратя время на пустые разговоры. Александр — так любивший и умевший говорить! — молчал» [Там же].

Внутренние изменения, происходившие с о. Александром, отразившиеся в его поведении и так точно подмеченные женой Иулианией, вместе с тем остались тайной для дневника. Записи этого периода лаконичны, кратки и немногословны. Создается впечатление, что они наполнены внутренним молитвенным молчанием, об опыте которого свидетельствуют святые подвижники: молчанием как предстоянием перед Богом и созерцанием его лицом к лицу.

Признание и принятие трансформации в понимании о. Александром самого себя, и того сокровенного, что было открыто ему в период болезни, но осталось тайной для других, невозможно без поиска нового концептуального и сугубо личного мировоззренческого основания для дальнейшего исследования его личности. Святой Серафим Саровский, рассуждая о жизни человека, говорил: «большой частью начало жизни спокойное, середина же жизни почти всегда представляет бурю, и вопрос в том, как буря уляжется и как кончится жизнь» [Сурожский].

Для нас продолжает оставаться открытым вопрос о том, какую точку отсчёта и систему координат следует использовать для того, чтобы, отступив от традиционной фиксации вех жизненного и творческого пути, обратится к глубинному пониманию человека, проникнуть в тайну человеческой личности. Ясно, однако, то, что для этого выражаясь словами о. Александра «нужен подвиг сосредоточенности, подвиг медленного собирания души, взглядывания» [Шмеман].

Алексеев А.Н. 2007. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки). — *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. — № 4. — С. 48–58.

Антоний Сурожский (Блум). *О царской семье, ее канонизации: о монархии вообще*. — Доступно: <http://www.mitrars.ru/html/novomortirs.htm>. — Проверено: 27.03.2017

Архипова М.В. 2012. Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника. — *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. — Выпуск: 3. — Том 13. — С. 197–206.

Гоффман И. *Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичность*. — Доступно: <https://www.hse.ru>. — Проверено: 27.03.2017.

История русской литературы... 1980. *История русской литературы: В 4-х т./ АН СССР. ИРЛИ; Гл. ред. Н.И. Пруцков. Том 1: Древнерусская литературы. Литература XVIII века / Ред. Д.С. Лихачев, Г.П. Макогоненко*. — Л.

Лебедева Н.Б. 2001. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования. — *Вестник БГПУ: Гуманитарные науки*. — № 1. — С. 4–11.

Михеев М.Ю. 2007. *Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX)*. — М. — 221 с.

Шмеман А. *Дневники*. — Доступно: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/dnevnik/. — Проверено: 27.03.2017.

Шмеман А. *Проповеди и беседы*. — Доступно: <https://predanie.ru/shmeman-aleksandr-protoierey/book/71609-propovedi-i-besedy/#toc34>. — Проверено: 27.03.2017.

Шмеман И.С. *Моя жизнь с отцом Александром*. — Доступно: <https://predanie.ru/shmeman-iulianiya-sergeevna/book/74282-moya-zhizn-s-otcom-aleksandrom/#toc27>. — Проверено: 27.03.2017.